

К. К. Зельин

ИЗ ИСТОРИИ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА во II—I вв. до н. э.

Проблема развития товарного производства в древности не может не заинтересовать каждого, кто изучает экономику и социальные отношения одной из стран эллинистического периода. При изучении этой проблемы совершенно недостаточно констатировать лишь развитие торговых сношений, так как само по себе оно еще не дает возможности понять специфику данного исторического периода: торговля могла развиваться в неодинаковой мере в самой различной исторической обстановке и была связана с условиями, резко отличавшимися друг от друга в зависимости от уровня техники производства и от характера общественной структуры.

Несомненно, что мы не имеем никакого основания отождествлять наблюдаемые в древности явления с теми, которые характеризуют период индустриального развития в век капитализма. И в эллинистический период сохраняет свое значение во многих отношениях натуральное хозяйство, продолжают существовать и развиваться многообразные формы непосредственного господства и подчинения. Но наряду с этим наблюдается и сравнительно быстрый рост товарного производства и денежного оборота. Задача и заключается прежде всего в том, чтобы в какой-то мере определить уровень развития этого производства и вместе с тем уяснить его связь с формами внеэкономического принуждения. При этом нельзя ограничиться некоторыми общими идеями, широкими формулами, как, например, утверждением, что в эллинистический период наблюдается рост товарности хозяйства или что в результате македонского завоевания происходит распространение античных форм рабовладения и городского хозяйства на Востоке.

Следует попытаться, прежде всего, выделить хотя бы некоторые критерии, пользуясь которыми мы могли бы судить о степени развития товарного производства, притом критерии, которые доступны для наблюдения даже на таком неполном и своеобразном материале, каким являются источники по истории древнего мира. Понятно, что эти критерии будут отличаться несколько общим характером, и все же сведения, которые заключаются в источниках, таковы, что они позволяют уловить специфические черты в этом отношении в развитии данного исторического периода.

«Основой товарного хозяйства является общественное разделение труда» (В. И. Ленин, Развитие капитализма в России, т. 3, стр. 15). Развитие товарного хозяйства ведет к увеличению числа отдельных отраслей промышленности, к созданию разнородных хозяйственных

единиц. Но вследствие роста общественного разделения труда расширяются и рынки для товаров. Поэтому наряду с дифференциацией производства отдельных продуктов, превращающихся в потребительные стоимости лишь посредством обмена, совершается и развитие рынков а. В этом отношении представляет интерес не только установление торговых сношений между отдаленными странами древнего мира, но и наличие и роль местных рынков, обслуживавших потребности обмена в масштабе ограниченной территории (округа), крупной области, или целой страны.

Понятно, что и в международной торговле и в обмене внутри сравнительно небольшой области существенное значение имели крупные города — политико-административные, торгово-ремесленные центры, центры не только, — а может быть, иногда и не столько, — производства, сколько потребления. Это влияние больших городов могло быть очень различным и, конечно, оно было не таким, как в новое время, в эпоху возникновения капиталистического хозяйства, но оно было значительно и не могло не оказать воздействия на сельское хозяйство.

Купеческий капитал обслуживает только товарный обмен, то есть обмен товаров посредством купли и продажи (К. Маркс, Капитал, III, 1950, стр. 338). Поэтому развитие товарного производства находит себе всегда выражение и в увеличивающейся роли денежного оборота. Многократно цитировались слова К. Маркса в III томе «Капитала» (стр. 344) о том, что «в античном мире влияние торговли и развитие купеческого капитала постоянно имеет своим результатом рабовладельческое хозяйство», но часто при этом не делалось попытки конкретизировать это положение на историческом материале определенного периода, или же эти попытки оказывались не вполне удовлетворительными. Притом для такой конкретизации необходим соответствующий документальный материал, который имеется далеко не для всех эпох.

Для изучаемого нами периода (II—I вв. до н. э.) источники содержат интересные данные как о росте элементов денежного хозяйства, так и о быстром развитии рабовладения и других форм внеэкономического принуждения.

Намеченные общие вопросы лишь подводят нас к собственному предмету изучения: исследованию роли товарного производства и денежного обращения в области сельского хозяйства. Для этого необходимо по возможности установить степень подчинения сельского населения рынку, наличие конкуренции в связи со стремлением использовать землю, характер аренды, развитие и формы ренты, значение наемного труда в сельском хозяйстве. Но ответ на эти вопросы возможно дать лишь в результате более детального изучения хозяйства в данной стране.

Таким образом, могут быть намечены следующие вопросы, ответ на которые давал бы возможность осветить проблему развития товарного производства в интересующий нас исторический период: 1) общественное разделение труда и обособление отдельных отраслей производства, 2) развитие обмена и рынков, 3) значение крупных центров, 4) развитие элементов денежного хозяйства, 5) рост рабовладения и роль других форм внеэкономического принуждения (войны, пиратство и проч.) в экономике II—I вв. до н. э., 6) различные формы конкуренции в связи с переходом земли из рук в руки, 7) характер аренды, 8) формы ренты и 9) значение наемного труда в сельском хозяйстве.

Понятно, как велика сложность каждого из этих вопросов. Многие важнейшие проблемы экономической истории древнего мира остаются нерешенными, а иногда даже и непоставленными. В этой области научного знания отсутствуют еще как достаточно выработанные и общепризнанные приемы исследования, так и система точных понятий, кото-

рые помогли бы разобраться в комплексе исторических явлений, характеризующих изучаемый период. При изучении должны быть использованы источники различного рода, число которых все возрастает: литературные, эпиграфические, папирологические, нумизматические и археологические.

В настоящей статье мы предполагаем остановиться лишь на некоторых из признаков, перечисленных выше, а именно на шестом—девятом, то есть попытаться подметить воздействие товарного производства на сельское хозяйство в одной из эллинистических стран. Наиболее удобным материалом для изучения этого воздействия представляются папирологические памятники эллинистического Египта, поскольку они наиболее обильны и содержательны, и с ними не может сравниться в этом отношении традиция по экономической истории других стран. Мы отнюдь не претендуем на полноту изложения, но ставим своей целью лишь коснуться некоторых вопросов социально-экономической истории эллинистического Египта в связи с общей проблемой товарного производства. Проявлялась ли при применении откупной системы борьба частных интересов? Какой характер имела аренда и можно ли различить отдельные типы арендаторов в связи с неоднородностью сельского населения? Каковы были формы ренты и можно ли, хотя бы лишь в самых общих чертах, намечить направление их развития? В связи с этим может быть лучше выяснен и вопрос о «поденщине» и ее социальном и экономическом значении.

Всем известна та огромная роль, которую в эллинистическом Египте в сфере экономики играло государство, неустанно и властно вмешиваясь в экономическую жизнь страны, подвергая мелочному регулированию многообразные отрасли хозяйственной деятельности. Поэтому уже а priori можно предполагать, что те или иные явления в развитии товарного производства будут носить на себе яркий отпечаток этого вмешательства, получат иной характер и значение, чем те же явления в другой исторической обстановке.

* * *

М. И. Ростовцев в одной из ранних своих работ писал, что все государственное хозяйство Египта при Птолемах основано было на откупе (Ростовцев, ИГО, 1899, стр. 11). В такой форме это положение неправильно. Как выяснил Ростовцев позже, в государственном хозяйстве Птолемея, наряду с откупом, имело огромное значение и непосредственное взимание ренты-налога (ἐκφόρον, см. Wilcken, Grundzüge, стр. 180 сл.). В этой двойственности организации поступлений сказывается двойственный характер эллинистической экономики: смешение элементов натурального и денежного хозяйства (см. U. Wilcken, Ostraka aus Aegypten u. Nubien, I, стр. 199 сл.). Доходы и расходы государства, храмов и частных лиц, оплата чиновников, военных и наемных рабочих, штрафы, накладываемые судом и администрацией,— все носит отпечаток этой двойственности как в III, так и во II—I вв. Система откупа была, несомненно, обусловлена развитием денежного обращения (Wilcken, Grundzüge, стр. 182), так же как ее первое появление в древней Греции было связано с первоначальным развитием товарного хозяйства.

Хотя в Египте налоги, сдававшиеся на откуп, взимались и деньгами и натурой и соответственно с этим и откупа (ὄνα!) делились на αἰ πρὸς γερήματα ὄνα и αἰ πρὸς ἀργύριον или χαλκὸν ἰσόντων ὄνα, доход, поступавший от откупщиков государству как от тех, так и от других, представлял собою всегда денежную сумму (Ростовцев, ИГО, стр. 14). С другой стороны, зерно, которое уплачивалось арендаторами и владельцами земли, шло не всегда для личного потребления, оно представляло

собою товар, могло быть реализовано на рынке, а следовательно, и по отношению к операциям с землей законен вопрос относительно их связи с развитием товарного хозяйства.

Проявление конкуренции, охоты за землей и деньгами приходится искать как 1) в сфере купли-продажи, так и 2) в области арендных отношений. Продажа из царской казны применялась в следующих случаях: а) откуп податей, б) сдача общественных работ, в) продажа земли и доходных статей. Во всех этих трех случаях применяется термин *ὄνη*, совершается «купля-продажа» на определенных, установленных правительством условиях. Принципом является получение царем наивысшего дохода (Eleph., XIX, 21—23: ὅπως πλεῖστον γίνηται τῷ βασιλεῖ), избежание всякого ущерба в этом отношении (ἵνα μὴθὲν τῷ βασιλεῖ διαπέσῃ). Средством достижения этой цели был аукцион. Вот здесь-то и могла найти и действительно находила себе выражение конкуренция, «перебивание» *ὄνη* (ὑπερβάλλειν). Эта конкуренция неразрывно связана с самым принципом откупа. Однако в обстановке полиса, даже такого как Афины конца V века, эта конкуренция проявлялась лишь в редких случаях в виде «перебивания», надбавки на ту сумму, которую предлагали за получение на откуп той или иной подати¹.

Обычно откуп податей брали на себя одни и те же лица. Понятно, что государство терпело при таком положении дел известный ущерб.

В эллинистическом Египте положение изменилось. Охотников получить откуп, по крайней мере в III в. до н. э., было достаточно, а принцип аукциона, «перебивания», проводился последовательно. Элефантинские папирусы конца III в. до н. э. живо рисуют нам столкновение интересов, связанных с продажей земли. Эти папирусы обычно использовались для показа всемогущества Птолемеевского государства и отсутствия права собственности на проданные правительством землю и доходные статьи (Rostowzew, Studien, стр. 18 сл.). Однако это лишь одна сторона дела. Не меньшего внимания заслуживает и отношение частных лиц к таким продажам.

Папирусы из Элефантины сообщают нам сведения не о жрецах маленького святилища, расположенного в какой-нибудь небольшой коме: дело идет о лицах, являвшихся верховными жрецами в одном из древнейших, пользовавшемся огромным авторитетом храме (Эдфу), которому в течение более чем столетия правительство уделяло исключительное внимание. Имущество жреческой семьи разнообразно. Земельные владения состоят из нескольких сравнительно небольших (около 30 арур) участков, в общей сложности составляющих около 100 арур. Таким образом, перед нами землевладельцы среднего масштаба. Остальное имущество составляют дом и части дома в Эдфу и пастофории.

Жрец Пинюрис с братьями смог уплатить лишь часть цены за землю — высокое поле в Ткойтоу и 30 арур в Тменпсбтис, — а именно первый из четырех взносов, из которых состоит эта цена (τιμή). Они спешат подать заявление (Eleph., XVI = d. Eleph., 2) практору (πράκτωρ τῶν ἐργῶν), подчиненному Эвфрония, Милону, чтобы направить дело желаемым для себя образом. Указав на свою денежную несостоятельность, они предлагают передать землю некоему Ксенону, сыну Дионисия, с тем, чтобы он внес остающиеся три доли и чтобы царь, таким образом, не потерпел никакого ущерба (d. Eleph., 2, 9). Ксенон со своей стороны также подал заявку о своем желании приобрести землю в Тменпсбтис (Eleph., XVII). Он, однако, стремится заполучить не только эту землю, но и остальное имущество семьи. Он предлагает уплатить все остающиеся три взноса и все сборы за это имущество,

¹ Andoc., De mister., 133—134; Ростовцев, ИГО, стр. 6 сл.

а именно за дом в Эдфу, еще за половину дома, за пастофорий, за 2¹/₂ аруры в Петларэс, за 15 арур в Ткойтоу, за дом и землю в Тсенана и еще за пастофорий и землю (Eleph., XX).

Однако дальше дело пошло не так гладко, как хотелось авторам заявления: переуступить землю Ксенону им не удалось. В дело вмешались представители высшей администрации: Мнесарх и Антипатр. Антипатр в письме к Милону предупреждает его, что на ὄνῃ, о которой идет речь, претендует некто Поэрис, сын Махойта, с братьями и что так решил и Мнесарх (лицо, занимавшее, по-видимому, еще более высокий пост, чем Антипатр). Сохранилось еще одно заявление — опять по тому же поводу — от Патуса, сына Махой (вероятно, речь идет о брате Поэрис). И Патус пишет, что он готов взять на себя обязательства, связанные с землей Пинюриса (Eleph., XIX, 3 сл. Ὑφίστα[αμα]: τῆς γῆς и проч.), и, очевидно, собираясь предложить большую сумму, чем Ксенон, просит адресата (некоего Аполлодора, также стоявшего над Милоном в административной иерархии) обратиться к Милону, чтобы воспрепятствовать заключению договора с Ксеноном. Мотивирует он это уже приведенными выше словами: ὅπως πλεῖστον γίνῃται τῶν βασιλεῦ («с целью увеличения царских доходов» — Eleph., XIX, 21 сл.).

Что лежало в основе действий Милона по отношению к Ксенону, трудно сказать: издатель эллифтинских папирусов, Рубензон, думает, что, может быть, дело шло о покровительстве земляку или о подкупе (см. комментарий к Eleph., XIX). Как бы то ни было, все это хорошо показывает, интересы скольких людей связаны были с продажей того или иного земельного участка. Но перед нами вовсе не картина свободной конкуренции частных предпринимателей: в эту игру вовлекаются должностные лица, и не только чиновник, непосредственно руководящий делом (Милон), но и другие представители царской администрации, притом более высокого ранга (Эвфроний, Антипатр, Мнесарх, Аполлодор), которые используют свое положение, поддерживая того или иного из кандидатов. Мсжно предположить, что при этом важную роль играл подкуп; источники также сообщают о множестве злоупотреблений, связанных с откупам и тяжело отражавшихся на плательщиках.

Несостоятельность Пинюриса и его братьев всколыхнула окружающее общество: появляются все новые лица, подаются заявления, оспаривается законность владения, люди спорят, дают клятвы, стремятся доказать, что именно им следует отдать землю. Дело затягивается: некоторые документы помечены последним месяцем 223/2 г. (Eleph., XXIII).

Неизвестное нам лицо уже предлагало за землю ἐν Ψεῦ 600 драхм, теперь оно готово предложить еще большую сумму (Eleph., XXI). На сцену выступает некий Паниск, сын Пстамона, Πέρσης τῆς ἐπιγονῆς. Он утверждает (Eleph., XXIII), что земля в Петларэс и в других местах принадлежит ему, что он внес за нее плату. Пинюрис, наоборот, дает клятву относительно небольшого участка в Тсенана, что это его земля, что его отец оставил эту землю Татрес, матери Пинюриса, по завещанию (Eleph., XXII). Новое предложение делает Фатрей, сын Палэ, он хочет уплатить за дома, пастофорий, другой пастофорий в Ренебейос, за γέρας и остальную недвижимость (Eleph., XXIV). Eleph., XXV представляет еще заявку на покупку дома бывшего верховного жреца Птомфиса, брата Беренебтиса и Пинюриса.

Земля связана с другими операциями, с обязательствами по отношению к государству. Жрецы в Eleph. оказались не только несостоятельными при покупке земли, но и должниками государству в отношении обязательств храма по доставке дорогих льняных тканей (βύσσινά ὀθόνια, Eleph., XXVII а и б). За Беренебтисом, сыном Эстфения, недоимки с 246/5 г.

до н. э. и с 229/8 г., за его племянником, Эстфением, сыном Пинюриса, — с 225/4 г. Поручителями их были сыновья того и другого, а залогом являлась их земля. Теперь эта земля (30 аур) идет в продажу.

Элефантинские папирусы знакомят нас со сложной борьбой интересов, связанных с продажей земли государством. Характерны для эллинистического Египта два обстоятельства: 1) земля является своего рода товаром, объектом разнообразных расчетов, сделок, интриг и т. д., 2) все эти сделки совершаются под знаком борьбы за увеличение доходов государства, хотя в действительности и частные лица (и потерпевшие, и жаждущие получить землю или другое имущество), и чиновники разных рангов — все они руководствуются своими личными стремлениями. Понятно, какое великое значение имело в таких условиях покровительство видного должностного лица, его *σκέπη*, принадлежность к его дому (*οἰκία*).

Подобные же явления наблюдались и при других видах «продажи из казны» (*ὠνή*), в особенности при продаже права сбора налогов. Злоупотребления и обманы откупщиков совершаются при попустительстве, а нередко и покровительстве местных властей.

В связи с предшествующим изложением важно отметить, что перед нами не просто злоупотребления «власть имущих», но результат расчетов, комбинаций и интриг, связанных с рыночной ценностью продаваемого объекта, с перспективами наживы, с использованием конъюнктуры. Поэтому недаром Птолемеи призывали: «Совершайте куплю по справедливости и не пытайтесь на кого-либо ложно доносить или возводить клевету...» ('Α[γ]οράζετε δὲ [τὰς ὠνάς δικαίως καὶ] μὲλλετε μη[θ]ένα συκοφαντήσιν|... [μηδὲ] δ[ι]αβλά[σ]ε[ι]ν, UPZ, 112, стк. 3—4).

В указе диоикета Диоскурида в 156 году звучат те же мотивы. Многие, приплывая в Александрию, подавали жалобы на действия чиновников, особенно же на откупщиков налогов (*τῶν πρὸς ταῖς τελωνιάς*), и далее мы встречаем ряд терминов, характеризующих их деятельность: это вымогательство (*περὶ τε διασεισμῶν*), обман (*παραλογεῖν*), клевета (*συκοφανθεῖσθαί*, UPZ, 113, стк. 9 сл.). Выказав далее благой принцип политики Птолемеев относительно того, чтобы никому не причинялось несправедливости, автор указа опять напоминает об откупщиках, занимающихся доносами (стк. 15—16: *μάλιστα δὲ τῶν συκοφαντεῖν ἐπιχειρούντων τελωνῶν*). Если учесть, что при *ὠνή* требовались поручители, а шансы благополучно с выгодой для себя собрать налог были далеко не всегда вполне верными, то будет понятно, какая запутанная ситуация могла получиться в результате невыполненных обязательств. Беспощадное вмешательство государства приводило к новой *ὠνή* уже не откупа налога, а к продаже имущества поручителей, заключавшегося нередко в недвижимом владении. Таково, например, известное дело Зойды середины II века до н. э. относительно продажи сада в Мемфисе. С течением времени все более суживались возможности выгодной комбинации, все беспощаднее реализовался фискальный принцип, все больше возрастали злоупотребления чиновников, меньше становилось желающих взять на себя тяжелое бремя откупа подати. Поэтому понятен призыв правительства полностью соблюдать условия *ὠνή*, ни в каком случае не причиняя какого-либо ущерба царской казне (UPZ, 112, стк. 9 сл.). Однако надо учитывать, что *ὠνή* вовсе не сводилась лишь к *ὠνή* податей, практика продажи земли из царской казны и во II в. продолжалась. Не говоря уже о продаже земли частными лицами. Поэтому было бы поспешно делать вывод о полном поглощении частной инициативы всемогущим государством (тем более, что правительство Птолемеев во II—I вв. ни в какой мере всемогущим не было), об упадке борьбы за землю с целью наживы, о деградации элементов товарного производства. Важно

отметить, что система откупа могла применяться лишь в обстановке сравнительно развитого товарного хозяйства, и не случайно, что не только в управлении больших государств, но и в практике полисов в эллинистический период *ὠνή* нашла широкое распространение (ср., например, надписи, относящиеся к городам Малой Азии, так называемые «священные законы»², которые иногда представляют почти буквальное сходство с формулировками птолемеевского *νόμος ὠνής*, *Eleph.*, XIV).

Если все же отдача на откуп податей и продажа земли государством в Египте были обставлены так, что откупщикам оставалось сравнительно мало простора для деятельности (хотя, как мы видели, эти ограничения не могли защитить население от притеснений и обманов с их стороны), то за пределами Египта дело обстояло иначе. Литературные памятники (*Fl. Jos., Ant.*, XII, 4), надписи и папирусы (*Тев.*, 8) свидетельствуют о широком применении откупа при сборе податей с подчиненных Египту владений в Малой Азии, Сирии и Иудее и о крупном масштабе спекулятивных операций откупщиков, занятых в этом деле. Птолемеи в организации финансового управления в этих областях явились прямыми предшественниками римских публиканов (Ростовцев, ИГО, стр. 237 сл.).

Из рассказа Иосифа Флавия (*Ant.*, XII, 4) следует, что, по-видимому, в начале II в. до н. э. система сдачи сбора податей в зависимых областях на откуп и в Египте и в царстве Селевкидов получила новый размах. Египетский царь продавал наиболее богатым в каждом городе (*τοῖς δυνατοῖς τῶν ἐν ἐκείνῃ πόλει*) право на сбор податей (*Ant.*, XII, 4, 3, 169). Герой рассказа Флавия, Иосиф, обвинил других участников аукциона, что о и предлагают слишком незначительную сумму, и сам предложил вдвое больше. Понятно, что для сбора этой суммы ему потребовалась военная сила (2000 пеших воинов ему предоставил Птолемей Эпифан), а самый сбор сопровождался убийством богачей, ответственных за внесение податей с города, и конфискацией их имущества. Иосиф собрал множество денег и извлек огромные выгоды из откупа податей (*Ant.*, XII, 5, 184 сл.), хотя ему и пришлось присылать подарки и Птолемею, и царице Клеопатре, и их друзьям, и всем, имевшим влияние при дворе; покупая их благоволение.

* * *

Прежде чем перейти к вопросу о влиянии развития товарного производства на аренду в позднеэллинистическом Египте, необходимо выяснить, что представляла собою эта аренда, каков был в основном состав арендаторов.

После появления книги М. И. Ростовцева «*Studien zur Geschichte des römischen Kolonates*» стало общепризнанным, что в эллинистическом Египте громадную роль играла аренда государственной земли (ср. *Rostowzew, Studien*, стр. 2 и *passim*). Ростовцев собрал большой материал, характеризующий совершенно зависимое, «прекарное» положение арендаторов царской земли (*Rostowzew, Studien*, стр. 47 сл.). На одной стороне — всемогущее государство, не берущее на себя никаких обязательств, на другой — несчастные арендаторы, вынужденные соглашаться на все, что только им будет предложено, удовлетворять все требования, какие предъявит к ним правительство, работать так, как им укажет царская администрация.

В настоящее время некоторые черты в этой картине изменились. Не столь безусловным представляется решение вопроса о принудительной

² Fr. Sokolowski, *Lois sacrées de l'Asie Mineure*, P., 1955.

аренде; выяснилось также, что еще во II в. до н. э. арендатор царской земли нередко заключал формальный и индивидуальный договор с представителями администрации (Bürgsch., №№ 1—5). Но все же в общем характеристика положения царских земледельцев оставалась прежней. Даже в работе О. О. Крюгера «Сельскохозяйственное производство в эллинистическом Египте. Зерновые культуры» (ГАИМК, вып. 108, 1934, стр. 9—114), который стремился собрать сколь возможно обильные сведения о применении рабского труда, все же не раз говорится о том, что на полях работали крестьяне, мелкие арендаторы, что положение их было крайне тяжелым и проч. (ср., например, ук. соч., стр. 16—17, 79, 81—82 и др.).

С иными взглядами на значение аренды в эллинистическом Египте мы встречаемся в работах акад. В. В. Струве. В конце своего доклада на X Международном конгрессе историков в Риме «Значение некоторых из демотических папирусов ГМИИ» (М., 1955, стр. 25 слл.) акад. В. В. Струве останавливается на вопросе о характере аренды в эллинистическом Египте. Материалом ему служит демотический папирус № 140 ГМИИ от 105 г. до н. э. Контрагентами в этом документе являются, с одной стороны, богиня Хатор и жрецы Патириса, с другой, — четыре арендатора. Социальное положение определяется лишь для одного из них. Это — «гегемон», муж, который получает одежду (и) зерно, Пату, сын Пахонсу(?) (стк. 9), или, как поясняет акад. В. В. Струве, солдат-ветеран, получавший пенсию. К сожалению, в своем кратком изложении акад. В. В. Струве не указывает границ арендованного участка (остров Хатор), который сдается на пять лет. Возможно, что среди имен владельцев соседних участков встречаются имена, уже известные нам по другим папирусам из Гебелена.

Акад. В. В. Струве обращает особое внимание на строку 11, ту статью договора, в которой, по его мнению, «находит свое выражение основное отличие между арендой рабовладельческого периода и арендой феодальной». Это отличие подробнее, впрочем, автором не раскрывается. Из контекста можно думать, что оно заключается в том, что арендатор рабовладельческого периода обрабатывал землю с помощью рабов, тогда как в феодальную эпоху этот момент отсутствовал. Арендаторы в рассматриваемом документе обязуются *mḥ n iḥ pr·t rm·t sdb [ḥ·tnb] n wj' ... n pr·t [šm]*, т. е. «заполнить (участок) скотом, посевным зерном, людьми, утварью всякой земледельца... зимой и летом». Автор приходит к выводу: арендаторы в папирусе № 140 ГМИИ из Патириса не были непосредственными производителями, поскольку они «заполняли» и «людьми» арендованный ими островной участок. Далее следует весьма широкое и исторически важное положение: «Распоряжались „людьми“ арендаторы и в прочих известных нам арендных договорах» (стр. 27). Акад. В. В. Струве считает часть этих «людей» рабами.

Для характеристики экономики Египта II в. до н. э. существенен и другой вывод автора о том, что в рабовладельческий период рабочая сила пенилась мало, что земля, как ценное имущество, не доверялась беднейшим слоям населения и что землевладельцы Египта не боялись (и в этом автор снова видит противоположность феодальной эпохе) остаться без арендаторов. Таковы главные положения акад. В. В. Струве, касающиеся аренды в эллинистическом Египте, основанные как на папирусе № 140 ГМИИ, так и на ряде других демотических памятников.

Совершенно верным является указание акад. В. В. Струве на тот интерес, который представляет клаузула договора, где идет речь о снабжении арендованного участка людьми (*rmt*). Также следует согласиться и с тем, что в арендных договорах, содержащих эту клаузулу, аренда-

тор или арендаторы, вероятно, не были непосредственными производителями. Однако толкование *rmt* как рабов представляется не доказанным. Значение этого термина в демотических памятниках неодинаково и зависит от контекста. Иногда оно очень широко и не имеет специфического социального оттенка, например *rmt nb* (каждый, всякий) или *rmt s 2* (2 человека, W. Erichsen, *Demotisches Glossar*, Kopenhagen, 1954, стр. 247 s. v.). Иногда этим термином пользуются, чтобы указать происхождение данного лица, например, *nʹ rmt.w (n) Kmj* (египтяне). Интересно выражение *nʹ rmt.w n dmj* (W. Erichsen, *Dem. Les.*, II, 1 стр. 87,7), то есть деревенские люди, обитатели комы. Иногда, наконец, *rmt* употребляется как обозначение живых людей в противопоставлении *wʹb.w* — мертвым или же, наоборот, *rmt* служит для обозначения мумий (в документах хоахитов), например, *Dem. Les.*, II, 1, стр. 143,7. В таком же, так сказать, социально нейтральном смысле мы встречаем это слово в описаниях примет, притом не по отношению к рабам (см., например, *Dem. Les.*, II, 1, стр. 20,8: *rmt hj*). В выражении *rmt nmh* речь идет, очевидно, о свободном человеке, как бы ни толковать это выражение: был ли *rmt nmh* управляющим (согласно мнению акад. В. В. Струве, ук. соч., стр. 26), или же арендатором (*Dem. Les.*, II, 2, s. v., и Н. Thompson, *Arch. from Siût*, № 10597, примечание к стк. 8). Часто *rmt* в сочетании с другим словом указывает на профессию человека, например, *rmt hwt* (земледелец), или на его социальное положение, например, *rmt ʹ* (большой человек, богатый, *Dem. Glossar*, стр. 247). Отсюда видно, что слово *rmt* само по себе не имеет специфического значения как социальный термин.

В доступных нам документах эллинистического времени нет ни одного прямого указания на то, что *rmt* — рабы. Но в таком случае следует рассмотреть, обязательно ли толкование *rmt* как рабов в этой статье. В приведенной формуле, очевидно, перечисляются условия, необходимые для того, чтобы арендованный участок был возделан. Этими условиями являются наличие семян, скота, орудий всякого рода, «людей». Но из этой формулы вовсе не следует, чтобы эти «люди» были непременно рабами: они могли с равной долей вероятности быть свободными или зависимыми земледельцами. Арендатор лишь берет на себя обязательство, что на участке будет применена рабочая сила, что он не останется без работников. Таким образом, из самой формулы отнюдь не вытекает, что арендатор снабжал участок рабами.

Акад. В. В. Струве далее утверждает, что «распоряжались „людьми“ и в прочих известных нам арендных договорах» (ук. соч., стр. 27). Однако приведенная статья встречается вовсе не во всех известных нам арендных договорах, но лишь в некоторых. Поэтому обобщение не является достаточно обоснованным. Учитывая, что аренда в древности, как, впрочем, и в более позднее время, могла иметь совершенно различный хозяйственный и социальный смысл, мы заранее имеем основание предполагать, что отношения окажутся более сложными, чем они рисуются акад. В. В. Струве. Поэтому надо думать, что известный свет на эти отношения может бросить изучение состава арендаторов и владельцев земли, сдаваемой в аренду.

Действительно, оказывается, что во всех тех договорах, в которых имеется формула о «заполнении» участка «людьми», контрагенты принадлежат к определенным социальным слоям: это — либо военные люди, либо представители жречества и связанных с ним кругов населения. Так, например, d. Heid., 723: *rmt Pr-ʹj-lk* и *rmt Swn* — арендаторы, жрец (*hm-ntr*) — владелец земли; d. Berl., 3102: арендатор — *ʹbk nDmʹ*, владелец земли — *wn* (пастор); d. Rein., 1: арендатор — катэк Андрон, сын Птоле-

мея, владелец — Дионисий, сын Кефала, Πέρσης τῆς ἐπιγονῆς; Arch. fr. Siût, 10 597: арендатор — wynn rm htr '3 -n-p-mw hn p stn n Nygntrwsl Hrklt s L[k]wprn, владелец земли — hr-hb n t hs-t n T-'nh n Sywt Tef-h'p s P-te-'tm. Едва ли случайно, что в тех договорах, в которых встречается статья о «заполнении» участка людьми, нередко арендаторы — военные люди. притом, как в d. Rein. 1, воин высшего разряда — катэк.

Сомнение может возникнуть по поводу d. Berl., 3102, где арендатором является '3m («крестьянин, земледелец», см. Dem. Les., II, 2, s. v. и Arch. fr. Siût, Glossar, s. v.). Это обстоятельство заставляет присмотреться к вопросу о том, что нам известно об этих «земледельцах» в документах птолемеевского времени. Во многих случаях этот термин связывается со словом bk «раб», например, '3m bk n Dm' или '3m bk n Sbk, то есть речь идет о гиеродулах, храмовых служителях или рабах. Эти гиеродулы были не только низшими служителями храма, принимавшими то или иное участие в религиозных церемониях, но и ремесленниками, обрабатывавшими камень, дерево и металлы, работавшими на постройках, пастухами храмовых стад или арендаторами храмовых земель³. Надсмотрщики и рабочие высших категорий, как полагает Томпсон, являлись несомненно, на практике свободными людьми, хотя номинально были рабами (bk) бога.

Рабы-земледельцы ('3m bk, γεωργοί), держали землю храма, передавали ее по наследству, распоряжались ею без ограничений со стороны жрецов и даже располагали соседними участками, принадлежавшими отчасти храмам, отчасти царю (γῆ βασιλική), так, как если бы они составляли их частную собственность. Правда, Томпсон при этом прибавляет, что эти «рабы» обязаны были арендовать землю и следить за ее орошением, обрабатывать ее согласно распоряжениям храма или государства (там же). Но в данной связи для нас существенны не особенности права владения, но '3m bk как социальный тип. В этом же отношении ясно, что, так же как и βασιλικοὶ γεωργοί, '3m и bk были людьми различного социального положения и достатка. Среди них были, можно думать, и люди, которые по своему имущественному положению приближались скорее к такому слою населения, как катэки или жрецы низших категорий, чем к положению «царских земледельцев» крестьянского типа. В d. Saigo, 30 647 (документ об аренде царской земли) один bk Sbk выступает как поручитель, а для этого, вероятно, надо было располагать известным достатком.

Хотя дошедшие до нас арендные договоры птолемеевского времени и немногочисленны по сравнению, например, с актами о продаже недвижимости, все же на основании их можно сделать вывод, что формула о «заполнении» людьми употребляется в тех из них, где арендаторы — люди сравнительно зажиточные; они обрабатывали участки не сами, но руками других.

Акад. В. В. Струве полагает, что данные других демотических документов подкрепляют его взгляд на существо аренды в птолемеевский период. Он пишет: «Часть этих людей являлась несомненными рабами, о наличии которых нам свидетельствуют демотические документы, как например, брачные договоры» (ук. соч., стр. 27). С этим обоснованием, однако, согласиться нельзя. Действительно, в брачных договорах не раз упоминаются рабы, но при этом нет ни слова о том, что их труд применялся на полях. Следовательно, утверждение акад. В. В. Струве вовсе не несомненно, но лишь гипотетично. Демотические документы не позволя-

³ См. Н. Т h o m p s o n, Two demotic self-dedications, JEA, 26 (1941), стр. 19; также В ü r g s c h., № 1, комментарий, § 30, стр. 36.

ют сделать вывода, что эти bk и bkt и были теми rmt, о которых мы читаем в тексте некоторых арендных договоров. Ссылка же на работу О. О. Крюгера не убедительна, так как в этой работе речь идет о дарственной земле (имении Аполлония), а не о тех участках среднего или даже небольшого размера, о которых говорится в папирусах из Гебелена и в брачных договорах. Поэтому заключение акад В. В. Струве, что арендаторы «в известных нам демотических документах принадлежали к господствующему классу, к классу рабовладельцев», мотивировано недостаточно.

Далее в докладе акад. В. В. Струве мы читаем: «Мало ценилась в рабовладельческий период рабочая сила; зато большое значение имела в глазах общества плодородная земля» (ук. соч., стр. 27). Что касается последнего положения, то оно в известной мере справедливо, притом не только для рабовладельческого периода, но и для других исторических эпох. Приходится сказать «в известной мере», так как в некоторые периоды (например, в эпоху Поздней Римской империи) земля, даже и плодородная, не всегда привлекала к себе охотников обрабатывать ее: ценность этой земли зависела от целого ряда условий. Но первая половина приведенного положения является просто неправильной. Именно статья, содержащая обязательство «заполнять» участок людьми, думается, показывает обратное. Появление этой статьи в птолемеевский период (в арендных договорах доптолемеевского времени ее нет) скорее свидетельствует об опасении нехватки рабочей силы, о стремлении к тому, чтобы земля не осталась необработанной. И уже во всяком случае приводимая автором клаузула (ук. соч., стр. 27) говорит не столько о том, что не было недостатка в арендаторах, сколько о желании гарантировать возвращение земельного участка его владельцу. И это вполне понятно: акад. В. В. Струве в своей работе несколькими страницами выше очень убедительно показал неустойчивость владельческих отношений в Египте этого времени, господствовавшую тогда неуверенность в действительности юридических документов. Действительно, не только сфутский процесс (см. Arch. fr. Siût), или известный процесс Гермия, но и многочисленный ряд жалоб, заявлений и тяжб подтверждают эти наблюдения.

Таким образом, вывод о применении рабского труда на полях арендаторов птолемеевского периода и в демотических памятниках не получает необходимого подтверждения и остается предположением, требующим дальнейших доказательств.

Даже при беглом ознакомлении с данными источников видно, что состав арендаторов на всех землях Египта неоднороден. Удобнее всего проследить это явление последовательно на землях различных категорий. В 100 г. Псенеписис отдает в краткосрочную аренду часть храмовой земли, арендованной им вместе с его μέτοχοι (Gr. II, 33). Аренда этой компании откупщиков носит предпринимательский характер. М. И. Ростовцев сделал в свое время даже общий вывод о том, что «крупная аренда, очевидно, характерна для общественных (то есть государственных.—К. З.) земель Птолемеевского Египта» (Ростовцев, ИГО, стр. 163). Однако, не говоря о том, что двух приводимых им примеров недостаточно для того, чтобы прийти к такому выводу, заметим, что и на протяжении господства Птолемея в характере аренды могли произойти изменения, и это соображение не позволяет делать общие заключения без рассмотрения данных по отдельным столетиям. Сейчас все же важно лишь указать на приведенный документ как на несомненный пример аренды с предпринимательскими целями.

Совершенно очевидно, что арендатор, о котором говорится в этом документе, представляет собою иной социальный тип, чем те многочислен-

ные арендаторы царской земли, о которых постоянно идет речь в папирусах того времени (конца II века). В одной из описей (Тев., 84) мы находим ряд сведений о размерах участков царских земледельцев: это — участки в 4, 6, 7, 10 арур, то есть приблизительно соответствующие наделам наиболее беднейших воинов (μάχιμοι). Тотортайос, сын Петосириса, имеет две аруры, но, вероятно, это еще не все его владение, так как опись далеко не полна (Тев., 84, 103). В каком положении находились эти «зажиточные» арендаторы, видно из другого документа (Тев., 56), в котором к Марресу, сыну Петосириса, обращается его брат Петесух. Петесух сообщает о том, что их долина была затоплена и что у жителей его комы совсем нет корма для скота. Он просит брата сначала воздать благодарение богам, а затем «спасти многие жизни» (σῶσαι ψυχὰς πολλὰς), поискав около своей деревни для прокормления обитателей этой комы арур пять (на этот раз уже εἰς τὴν τροφήν ἡμῶν, речь идет о людях).

Петосирис, сын Гаркойфия (Тев., 84, 35) имеет два участка арендованной царской земли в 2 и $4\frac{1}{8}$ аруры. Но, очевидно, этого не хватает, так как он вместе с Петенуписом и другими работает в 116—115 г. до н. э. еще «земледельцем» (γεωργός), то есть арендатором земли, посвященной (τῆς ἀνεφορμένης) богу Сокнебтунису (Тев., 63, 22). Так же и Гор, сын Петехонта, имевший 8 арур царской земли (Тев., 84, 30), «подрабатывает» на клере Бакхия, сына Мусэя (Тев., 62, 121), а Гарфаэсис, сын Петосириса, арендовал 5 арур на клере Гармиусиса, сына Птолемея (Тев., 84, 55 и 84, 95 сл.). Иногда участок в 6 арур арендует не один царский земледelec, а несколько (Тев., 85, 75: Гарпаэсис, сын Тотозса, и μέτοχοι). Очевидно, именно этим сравнительно маломощным арендаторам и угрожали прежде всего те административные меры, о которых идет речь в документах как более общего, так и более частного характера. В постановлениях 118 года запрещается продавать дом царского земледельца, в котором хранятся его земледельческие орудия, самые орудия и скот (Тев., 5, 231—235). К этому слою арендаторов, вероятно, принадлежали и те земледельцы, залоги которых отобрал стратег Фаний, чтобы покрыть недоимки (Тев., 61 b, 377). Нам кажется, что одного наличия этих залогов (ἐνεχυρασίῳ) недостаточно, чтобы заключить, что мы имеем дело с зажиточными элементами. Ведь этих залогов едва-едва хватило для покрытия недоимок (Тев., 61 b, там же), а из приведенных строк постановления 118 года видно, что реквизиции при этом подвергались и жилище, и скот, и орудия земледельца.

Можно согласиться с тем, что перед нами не совершенно лишенные всякого имущества люди, но следует все же признать, что эти арендаторы крестьянского типа и составляют большую часть населения комы.

Из среды этих царских земледельцев выходят и лица, снимающие в аренду наделы катэков и клерухов и обрабатывающие их своим личным трудом⁴.

Арендаторы храмовой земли также не представляли чего-либо однородного. Мы не можем в этой связи затрагивать сложный вопрос о положении храмовой земли во II—I вв. до н. э., укажем лишь на тот несомненный факт, что и земля храмов, и их доходные статьи, и даже самые святилища (мелкие) сдавались нередко в аренду или продавались. В Магдоле (в Фаюме) земли бога Суха сдавались в аренду (Тев., 82). Это были преимущественно виноградники и масличные насаждения. Арендаторы в Магдоле, в противоположность арендаторам храмовой земли в Керкеосирисе, по большей части носят греческие имена. Среди них,

⁴ См. К. К. З е л ь и н, 'Земли клерухов в Керкеосирисе по данным тебтюнских папирусов, ВДИ, 1948, № 3.

однако, встречаются немногие имена, сходные с именами арендаторов в Керкесирисе (ср. Теб., 82, 16 и 63, 6; 82, 25 и 63, 9). Можно думать, что это одни и те же лица, вкладывавшие свои средства в аренду храмовых земель и доходных статей. На $\gamma\eta\ \dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\alpha}$, как и на землях клерухов, мы находим двоякого рода людей: 1) собственно владельцев, представлявших, по-видимому, средний в отношении их материального положения слой населения, и 2) арендаторов, непосредственно трудившихся на земле и находившихся в далеко не завидном положении.

В отношении этой категории арендаторов нет во всяком случае никаких оснований считать, что они эксплуатировали чужой труд. Когда мы находим в демотических договорах клаузулу, содержащую обязательство арендатора доставить «людей», $\gamma\mu\tau$, то естественнее всего на основании приведенного материала предположить, что при этом подразумеваются мелкие арендаторы, непосредственные производители на полях Египта, о которых так часто упоминают папирусы; о рабах же в связи с обработкой полей, за исключением папирусов, относящихся к крупным имениям $\epsilon\nu\ \delta\omega\rho\acute{\alpha}$ (то есть документов III в. до н. э.), в рассмотренных источниках нет почти ни слова.

Таким образом, документы показывают, что по крайней мере часть арендаторов принадлежала к непосредственным производителям и что приведенное выше заключение акад. В. В. Струве (арендаторы «в известных нам демотических документах принадлежали к господствующему классу») действительно лишь по отношению к некоторым категориям арендаторов, а не ко всем арендаторам.

Можно ли при изучении аренды в эллинистическом Египте подметить заинтересованность в ней тех или иных кругов общества или же во II—I вв. и в этой области проявлялось только стремление государства найти любым способом арендаторов, которые обработали бы втуне лежавшие участки царской земли? В этой связи обратим внимание на аренду земли храмами.

Наличие более или менее обширной храмовой земли ($\gamma\eta\ \dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\alpha}$) отнюдь не обуславливало отсутствия интереса руководителей хозяйственной жизни храмов к земле, лежавшей по соседству. И вот мы видим, что кроме $\gamma\eta\ \dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\alpha}$ в собственном смысле слова есть еще земля бога, составляющая в то же время часть «царской» земли. Это обстоятельство доставило много затруднений истолкователям папирусов Теб., 84, 93 и др. Участки, о которых идет речь, несомненно, арендованы и представляют участки $\gamma\eta\ \beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\acute{\eta}$. Однако их арендаторы — не отдельные лица, но весь жреческий коллектив, храм в лице своего бога. Таким образом, земельное хозяйство храма довольно сложно: он использует $\gamma\eta\ \dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\alpha}$, прочно принадлежащую ему, и в то же время часть царской земли на равных основаниях с прочими арендаторами.

Конечно, не сами жрецы обрабатывают эту землю: арендованные участки, так же как и участки храмовой земли, берут «у бога» $\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\kappa\omega\iota\ \gamma\epsilon\omega\rho\omega\iota$, которые и уплачивают за них соответствующую арендную плату. Amh., 40 (письмо к жрецам храма одного из их собратьев) дает очень яркую картину конкуренции на почве аренды царской земли. М. И. Ростовцев указал, что термины, которыми пользуется автор этого письма, свидетельствуют о сдаче государством земли в аренду. Но он считает землю, о которой идет речь, храмовой землей (Rostowzew, Studien, стр. 60, прим. 1). Однако вернее видеть в земле Amh., 40 не $\gamma\eta\ \dot{\iota}\epsilon\rho\acute{\alpha}$, но участки царской земли, отданные в аренду. Автор письма, некий Эпидор, упрекает жрецов храма в том, что они не позаботились заблаговременно о приобретении храму хороших земель, и потому все лучшие аруры были взяты какими-то греками, а для храма остались самые худшие участки. С боль-

шими усилиями (*μετὰ πολλοῦ ἰδρώτος*), путем взятков удалось изменить решение в пользу храма. Таким образом, из-за аренды лучших участков царской земли шла ожесточенная борьба, и Amh., 40 выясняет нам борющиеся стороны: ими являются жречество и греки. Каких же греков имеет в виду папирус? Они могли быть прежде всего местными жителями, катэками, которые нередко, как это можно видеть из Тебтунисских папирусов, кроме клера, снимали еще участок на царской земле.

Очень характерен термин, который Amh., 40 употребляет для обозначения храмовой аренды: *εἰς δὲ τὸν τοῦ θεοῦ κλήρον* (стк. 9). Присмотримся ближе к этому «клеру бога». У бога Петесуха всего $5\frac{3}{8}$ аруры храмовой земли. Храм его принадлежит к разряду второстепенных. Но он арендует еще и царскую землю, сколько именно, точно сказать нельзя: указано $18\frac{3}{4}$ аруры при перечислении трех держателей и, кроме того, некоторое количество земли у четвертого (Тeb., 93, 55 сл.). Если даже предположить, что у последнего лишь 5 арур, а всего $23\frac{3}{4}$, то все же количество арендованной земли оказывается более чем в четыре с половиной раза превосходящим размеры *γῆ ἱερᾶ*. Бог Местасютмис также имеет в Керкеосирисе царскую землю (Тeb., 106, 9), у бога Суха аренды в районе Керкеосириса нет. По-видимому, в Керкеосирисе аренда была развита больше у второстепенных святилищ, обладавших небольшим количеством храмовой земли. Наряду с этой арендой храма или, вернее, бога, существовала и индивидуальная аренда отдельных участков жрецами. Об этом свидетельствуют не только часто встречающееся обозначение жрецов как «царских земледельцев», но и более конкретные указания. В папирусе № 42 жрец в своем прошении заявляет, что он сдал в аренду принадлежащие ему 6 арур. Он сдает их в субаренду, разумеется, за цену выше средней, а именно по 6 артаб за аруру, тогда как обычная плата часто равна $4\frac{11}{12}$ артаб.

Мы видим, таким образом, какой сложный характер носит аренда во II в. до н. э. в Египте. Эту аренду нельзя подвести под одну упрощенную формулу: размеры арендуемой земли, цели аренды, социальный состав арендаторов были различны; в частности, следует отметить наличие сравнительно крупной аренды наряду с мелкой, обусловленной недостаточным размером участка крестьянина.

* * *

При том значении, которое имело во всем древнем мире и в частности в Египте сельское хозяйство, чрезвычайно важно выяснить формы ренты, иначе говоря те формы, с помощью которых в распоряжении государства, храма или частных лиц оказывался прибавочный продукт земледельца. Главной формой дохода от земли было *ἐκφόρον*, т. е. плата натурой за пользование землей, иначе говоря рента продуктами. В характеристике этой формы ренты в «Капитале» (К. Маркс, Капитал, III, 1950, стр. 807 сл.) выделим следующие моменты, особенно существенные в рамках настоящего изложения и в связи с особенностями данных источников. 1) Рента продуктами в ее чистом виде предполагает натуральное хозяйство. 2) Вместе с этой формой появляются более крупные различия в хозяйственном положении отдельных непосредственных производителей, некоторые из них приобретают средства эксплуатировать чужой труд (ук. соч., стр. 808—809). 3) Рента продуктами постоянно в большей или меньшей мере сопровождается остатками предыдущей формы, т. е. ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда, следовательно, барщинным трудом, и это одинаково, является ли зе-

мельным собственником частное лицо или государство (ук. соч., стр. 807).

Поскольку экфорий натурой был в эллинистическом Египте (да и не только в Египте) главной формой доходов от земли, постольку можно утверждать, что существовало натуральное хозяйство. Однако наличие ренты деньгами показывает, что по крайней мере часть продукта непосредственного производителя должна была быть превращена в товар. «Следовательно,— прибавляет К. Маркс,— характер всего способа производства более или менее изменяется» (ук. соч., стр. 810). Превращению натуральной ренты в денежную не только непременно сопутствует, но даже предшествует образование класса неимущих поденщиков, нанимающихся за деньги (ук. соч., стр. 812). В эллинистический период (если судить на примере Египта) мы встречаемся со всеми тремя видами ренты, предшествующими возникновению капиталистической ренты. Остановимся на отдельных, наиболее существенных вопросах, связанных с общей проблемой ренты.

Уже в саисский и персидский периоды, насколько можно судить на основании частных юридических документов, дошедших до нас от этого времени, существовала рента продуктами, притом в форме издольщины. Новыми, доброкачественными в научном отношении публикациями этих документов являются сборники М. Малинина и Хьюза⁵.

У М. Малинина имеется три арендных договора (№№ XII, XIII, XIV), относящихся к одному и тому же времени (533, 534 и 535 годам до н. э.). В № XII дело идет о земле, расположенной на домене Амона Коптского нома, в №№ XIII и XIV — о земле, посвященной заупокойному культу (*champ de fondation*). Арендная плата в № XII составляет одну треть от всех растений, которые будут произрастать на поле. Остальные дветрети урожая делятся на шесть равных частей и из них одна отдается владельцу земли, а $\frac{5}{6}$ — арендатору и его сотоварищам, которые, таким образом, получают всего $\frac{5}{9}$ урожая, то есть работают почти исполу. В № XIII урожай делится на две части, так же как и налог, который должен быть уплачен храму Амона. № XIV имеет иной характер: здесь весь урожай идет в пользу владельца земли, арендатор же уплачивает и налог храму. Это объясняется, очевидно, тем, что аренда является формой отработки долга.

В сборнике Хьюза изданы семь договоров об аренде земли, впрочем, два из них те же, что и у Малинина. Все они также говорят об издольщине. В № 1, например, сдается участок подо льном, арендатор должен отдать четверть урожая. В №№ 5 и 6 арендная плата равна одной трети, но дополнительные условия различны: в № 6 остальные две трети делятся на шесть частей и из них $\frac{5}{6}$ получает арендатор (так же как и в № XII у Малинина); в № 5 оставшиеся $\frac{2}{3}$ делятся на четыре части и $\frac{3}{4}$ из них идут владельцу земли и лишь $\frac{1}{4}$ арендатору, то есть последний получает лишь $\frac{1}{6}$ часть всего урожая, являясь настоящим гектемором. Возможно, что при заключении этого договора влияли какие-то особые условия: так как все остальные сделки все же более благоприятны для арендатора, чем в данном случае.

Все рассмотренные договоры заключены между частными лицами, хотя многие из них принадлежат к жреческой корпорации, а земля представляет собою землю, дарованную храму в целях заупокойного культа, или же участки на домене бога.

⁵ M. Malinine, *Choix de textes juridiques en hiératique «anormal» et en démotique*, p. I, P., 1953; G. R. Hughes, *Saite Demotic Land Leases*, Chicago, 1952.

В эллинистическом Египте положение в этом отношении изменилось: как при аренде государственной земли, так и при заключении частных договоров арендная плата устанавливается не в виде доли урожая, но как определенное количество зерна с единицы площади (т. е. аруры), иначе говоря, проводится квантитативный принцип⁶. В этом нет ничего удивительного, поскольку формы ренты продуктами могут быть чрезвычайно разнообразны. К. Маркс писал о бесконечных различных комбинациях, «... в которых различные формы ренты могут сочетаться, фальсифицироваться и сливаться» (К. Маркс, Капитал, III, стр. 809).

Изменилось ли положение мелких арендаторов при Птолемах и если изменилось, то в каком направлении? Арендная плата с одной аруры была очень различна в зависимости от качества земли: с нормальных в отношении плодородия участков взимался экфорий в размере 4, $4\frac{1}{12}$, 5 и т. д. артаб с аруры, с запущенных, затопленных или солончаковых участков — 3, $2\frac{1}{2}$, 2, $1\frac{1}{2}$, $\frac{1}{2}$ артабы. Нам точно неизвестен размер всего урожая с аруры. В общем он был равен 10—12 артабам⁷. Таким образом, экфорий соответствовал приблизительно половине или несколько меньшей части всего урожая. Однако приходится учитывать и другие обстоятельства. Урожай далеко не всегда был нормальным. Ср., например, случай в Теб., 62 b, 369 сл. Помимо экфория, с землевладельцев взимался ряд сборов как натурой, так и деньгами, и, следовательно, они должны были или отдавать часть урожая, или продавать ее. Наконец, во многих случаях арендная плата была выше пяти артаб. В этом отношении представляет интерес один из немногих арендных договоров, сохранившихся в документах из Гебелена (d. Heid., 723).

Пророком и первосвященником Нехутом, сыном Патуса, была сдана в аренду всего лишь одна арура. Участок находился на земле богини Хатор. Два арендатора взяли на себя следующие обязательства: дать 15 артаб пшеницы, 2 артабы лука, 200 штук рапса, 10 связок сена, 5 мер огурцов, кроме того, шафран, лупинус и даже букет цветов, а также соорудить стену вокруг участка из нильской земли. Наоборот, в важном, но плохо сохранившемся другом арендном договоре из Гебелена (d. RyI., 26) дело идет об уплате лишь одной десятой урожая (впрочем, это место сильно фрагментировано).

В целом, таким образом, доля прибавочного продукта, взимаемого с земледельца, несомненно, не уменьшилась, а может быть, даже и увели-

⁶ В статье «Основные черты эллинизма» (ВДИ, 1953, № 4), стремясь показать, что аренда в эллинистическом Египте представляла собою нечто иное, чем аренда в эпоху капитализма, что термины «аренда» и «арендатор» часто некритически применяются к отношениям в древнем мире, мы указали, что «царские земледельцы» были своего рода «полуарабскими издольщиками» (термин В. И. Ленина), что для них характерны такие признаки, как «наибольшая оседлость населения, наибольшая привязанность к земле». При этом формальный, буквальный смысл термина, конечно, не имелся в виду: мы хотели указать лишь на фактическое положение мелких арендаторов, а не на юридическую формулировку статьи относительно экфория. Для пояснения своей мысли приведем пример. В саисскую эпоху нередко арендатор платил с участка $\frac{1}{3}$ урожая. Если предположить, что нормальный урожай был такой же, как при Птолемах, или даже меньше, то экфорий равнялся $3\frac{1}{2}$ — 3 артабам с аруры. При Птолемах условия изменились: арендатор платит не треть, не четверть, не половину, но вносит экфорий согласно квантитативному принципу, а именно около пяти артаб с одной аруры. При нормальном урожае эти пять артаб составляли $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{5}$ всего урожая, то есть арендатор по-прежнему фактически известную долю своего урожая должен был отдавать собственнику земли. Изменилось ли по существу его положение, несмотря на квантитативный принцип? Нам думается, что нет, что по существу он мало отличался от тех лаов в царстве Селевкидов, которые платили *pars quota*.

⁷ А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, М. — Л., 1950, стр. 196.

чилась (ведь при издольщине, как мы видели, нередко экфорий равен был лишь $\frac{1}{3}$ всего урожая).

В связи со сказанным интересно одно из известий, содержащихся в архиве Зенона (PSI, 502). Речь идет об оценке земли, произведенной агентами Аполлония (когда уже хлеб созрел). Крестьяне решительно отказались принять эту оценку и настаивали на том, чтобы были соблюдены первоначальные условия договора с ними, согласно которому они должны были уплатить одну треть урожая. Таким образом, арендаторы желали издольщины в буквальном смысле. Как нам кажется, эти данные свидетельствуют, что их положение, если и изменилось, то в худшую сторону: та доля, которую они должны были отдать арендодателю в результате оценки урожая, произведенной представителями администрации имения, вызывает протест арендаторов. В конце концов крестьяне предложили свою более низкую оценку (*ὑποτίμησις*), которая и была принята администрацией.

Экфорий в большинстве случаев (если дело шло о пахотной земле) уплачивался натурой. Но далеко не целиком рента поступала в этой форме. Развитие денежного обращения привело к тому, что рента продуктами была частично заменена денежной рентой.

В первых пяти документах, помещенных в Bürgsch., говорится о сдаче в аренду царской земли в самом конце III в. до н. э. Арендная плата обычная — *in parte quanta*, за исключением № 4. Все тексты, вероятно, из Фаюма. В документе № 4 идет речь о сдаче трех аруп земли, на которой произрастают трава и вика, — по-видимому, бывшего клера, вновь вошедшего в состав царской земли. Рента уплачивается в денежной форме, в царскую трапезу, по 10 серебряных монет за аруру (всего 30 монет). Едва ли можно видеть в этом случае указание на коммутацию натуральной ренты. Уже в первой половине III в. мы встречаемся со сходной по форме арендой (Petrie, II, 46). В том и другом случае мы имеем дело с *adaeratio* ренты, то есть той ее формой, которая возникает из простого превращения формы ренты продуктами (см. К. Маркс, Капитал, III, стр. 809, последний абзац). Все же наличие денежной ренты (как и налогов в денежной форме) показывает, что ни о каком чистом натуральном хозяйстве не может быть речи, что денежное обращение проникает в земельные отношения и в какой-то мере начинает подчинять себе и сельское хозяйство.

* * *

Развитие товарного производства неизбежно вызывает применение наемного труда. В источниках по истории эллинистического периода мы нередко находим указания на это. «Превращение мелкого производителя в наемного рабочего, — писал В. И. Ленин, — предполагает потерю им средств производства — земли, орудий труда, мастерской и пр. — т. е. его „обеднение“, „разорение“» («Развитие капитализма в России», т. 3, стр. 19). Но было бы, конечно, ошибочным делать обратный вывод, а именно, что «обеднение», «разорение», даже массовое, всегда приводит к тому, что наемный рабочий становится господствующим типом в производстве. Именно для древности хорошо известны периоды широкой экспроприации мелких (да и крупных) собственников, которая приводила, однако, не к установлению режима наемного труда и развитию начал капиталистического производства, но к совершенно иным результатам (в Греции IV века до н. э., в восточном Средиземноморье во II в. до н. э. и проч.).

К осторожности в обобщениях побуждает и другое соображение, которое, как нам кажется, особенно необходимо учитывать, имея дело с материалом по истории эллинистического Египта. Не всякий работник, получающий денежное вознаграждение, является представителем наемного труда как результата развития товарного производства. Это развитие совершалось в древности в условиях широкого применения внеэкономического принуждения. Элементы денежного обращения проникали, и иногда в значительной мере, в толщу отношений, характеризующих старинные, давно налаженные, а иногда даже и сравнительно недавно сложившиеся порядки непосредственного господства и подчинения. Поэтому считать, что всякий раз, как в источниках упоминается денежное вознаграждение работников ($\delta\phi\acute{\omega}\mu\omicron\nu$), мы имеем дело с результатом «обеднения» и «разорения», то есть с применением наемного труда, по меньшей мере неосторожно, это может привести только к искажению исторической действительности. В этом случае, как и во многих других, задача историка заключается, как когда-то писал О. Тьерри, в том, чтобы различать, вместо того, чтобы смешивать⁸.

Для пояснения выказанного соображения рассмотрим некоторые случаи, о которых упоминается в папирусах, ни в какой мере не пытаюсь охватить соответствующий (очень большой) материал. При этом придется выйти за рамки интересующего нас периода (II—I вв. до н. э.), так как более многочисленные и важные известия о найме относятся к крупному хозяйству $\gamma\eta\ \acute{\epsilon}\nu\ \delta\acute{\omega}\rho\epsilon\acute{\alpha}\xi$ первой (и отчасти второй) половины III в. до н. э.

Укажем кстати, что $\delta\phi\acute{\omega}\mu\omicron\nu$ получали отнюдь не только неимущие бедняки, работавшие в имении, или бедные ремесленники, но и сравнительно хорошо оплачиваемые группы населения, как, например, военные и чиновники (см. Heichelheim, WS, табл. на стр. 123 сл.): эпистаты, филакиты, землемеры, логевты, эфоды и т. д. В своем заявлении, например, $\mu\alpha\chi\alpha\rho\omicron\phi\omicron\rho\omicron\iota$ (стражники) во II в. до н. э. из местечка Филотерис в Фаюме просят, чтобы им, пяти человекам, был выдан $\delta\phi\acute{\omega}\mu\omicron\nu$ за месяцы Тот и Фаофи (Fay., 302). Другой пример (Ann. Serv., XX, 1920, № 51) из архива Зенона: виноградари ($\acute{\alpha}\mu\pi\epsilon\lambda\omicron\upsilon\rho\gamma\omicron\iota$) Аполлоний и Мениш обращаются с просьбой об уплате им $\delta\phi\acute{\omega}\mu\omicron\nu$ за ночную караульную службу. Они пишут, что отправились в Бакхиаду (кому) и произвели там инспекцию ($\acute{\epsilon}\chi\omega\rho\omicron\upsilon\beta\alpha\tau\eta\ \iota\sigma\mu\epsilon\nu$). Там они захватили некоего Атфея, находившегося в бегах по случаю реквизиции у него огорода (?). Каким бы способом ни вычислялось $\delta\phi\acute{\omega}\mu\omicron\nu$ этих караульчиков, ясно, что они не принадлежат к категории «поденщиков».

В других случаях данные слишком неопределенны, чтобы положительно можно было решить вопрос о том, с кем мы имеем дело. В письме Аполлония к Зенону (Ann. Serv., XXIV, 1924, № 98) указывается, например, что Зенон хорошо сделал, дав для вязки сена ($\epsilon\iota\varsigma\ \tau\eta\nu\ \delta\epsilon\tau\rho\epsilon\upsilon\sigma\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \chi\acute{\omicron}\rho\omicron\tau\omicron\upsilon$) 200 драхм медью.

Эдгар пишет, что эта сумма предполагает очень большую площадь, на которой производилась эта работа. Но письмо оставляет нас в полной неизвестности, о ком идет речь: были ли то свободные или рабы, поденщики или царские земледельцы, пригнанные для этой работы в принудительном порядке. Единственный вывод, который мы можем сделать, это тот, что для производства сельскохозяйственных работ в некоторых случаях требовалась затрата денежных сумм, — истина, подтверждаемая чуть ли не любым сборником папирусов как III, так и II в. до н. э.

⁸ Aug. Thierry, *Lettres sur l'histoire de France*, P., 1846, стр. 25.

Остановимся на папирусе № 1536 из берлинского собрания. Его содержание подробно разбирал О. О. Крюгер (ИГАИМК, 108, 1934, стр. 81), тем не менее, может быть, бесполезно уточнить некоторые данные. О. О. Крюгер указывал, что «наряду с отдельными работниками на царской земле применялся в данном случае во время жатвы труд каких-то групп («жители Гефестии», «люди, присланные Феофилом»). Одной из этих категорий выдается ежедневно по две артабы на человека».

Присмотримся к сообщению. Некий Тосотом говорит, что сжали 35 артаб (очевидно, на царской земле), а на клере, помимо того, что сжали гефестиоты, — 37 артаб. Гефестиоты сжали 18 артаб и, наконец, сын Эсормосия — 4 артабы. После этого прибавляется, что присланным Феофилом поденным рабочим, занятым на жатве, Тосотом дал по 2 артабы. Присланные Феофилом, таким образом, в самом документе названы поденщиками (стк. 13—15: *τοὺς παρὰ Θεοφίλου | τοὺς καθ' ἡμέραν θερίζουσι*). Издатель (Фирек) считает Феофила подрядчиком, поставляющим жнецов, которые и получают ежедневную плату натурой — 2 артабы. Так как гефестиоты сжали сравнительно немного (18 артаб), то, очевидно, главная работа и была проделана *τοὺς παρὰ Θεοφίλου*. О. О. Крюгер совершенно правильно считает гефестиотов «пригнанными из определенной местности» (там же). Но и относительно Феофила мы не можем сказать, был ли он «подрядчиком» (*ein Unternehmer*), или же каким-то должностным лицом, или хозяйственным агентом, и его жнецы также не должны ли были работать в принудительном порядке. Таким образом, и здесь вопрос не совсем ясен.

В других случаях, однако, не возникает сомнений, что речь идет не о вольнонаемных рабочих, но о людях, принудительно отправленных к месту работы. Так, например, дело обстоит в Hib., 44, в CZ, 59 301 (см. О. О. Крюгер, ук. соч., стр. 81 сл.), в PSI, 515 (молотьба), в BGU, 1507 (тоже), в PSI, №№ 371, 492, 425, 421 (ср. Rostovtzeff, LE, стр. 67). В последнем папирусе охраняющие насыпи (*χωματοφύλακες*) просят выдать им плату как деньгами, так и натурой (*ὀψώνιον καὶ σιτομετρίαν*), угрожая в случае ее неполучения анахоресисом. Как указывает М. И. Ростовцев, это, очевидно, крестьяне одной из ком на территории *γῆ ἐν ὄρωρει*, в принудительном порядке отбывающие эту повинность.

В Hamh., 27 арендатор одного из участков на земле Аполлония пишет, что он получил от некоего Оннофриса упряжки и трех земледельцев, работающих за плату (*μισθοῖοι*). Автор письма просит прислать 8 драхм из расчета платы 2 обола за пахоту одной аруры. Таким образом, на каждого приходится по 8 оболов, то есть по 4 аруры пахоты. Однако и здесь остается невыясненным, кто эти *γεωργοὶ μισθοῖοι*: возможно, что и в этом случае Оннофрис их посылает в принудительном порядке. Плата по 2 обола в день за тяжелую работу заставляет думать скорее об этом. Вспомним строки Менаандра: «Два обола в день! Достаточно для ячменной кашицы голодному!» (Menand., Loeb Class. Libr., 1930, *Ἐπιτρέποντες*, стк. 14—15).

Но, конечно, помимо пригоняемых по принуждению обитателей окрестных ком (или даже и более отдаленных), работали люди, с которыми нередко заключались формальные договоры на тех или иных условиях; эти договоры, однако, часто не выполнялись: вмешивалась местная администрация, и договор аннулировался (Rostovtzeff, LE, стр. 74), или же *γεωργοὶ** недовольные нарушением обещанных условий, прибегали к анахоресису.

Свободные рабочие, исполнявшие за плату ту или иную работу, обычно обозначаются термином *ἐργάται* (Col. Z., 44; CZ, 59 013; Col. Z., 37; BGU, 1507). Вывод О. О. Крюгера по отношению к последнему докумен-

ту, что в ἐργάται, о которых говорится, мы должны признать рабов, не является убедительным: на это нет прямых указаний, а термин ἐργάται и аналогия с уже приведенными известиями о сельскохозяйственных работах скорее свидетельствуют о том, что и здесь ἐργάται — свободные, хотя и работающие в принудительном порядке.

Таким образом, данные, которые мы имеем относительно тех случаев, когда дело идет о целой группе людей, работающих за плату, больше говорят о принудительном труде за невысокую плату, о древней практике посылки целых партий рабочих. Дух времени сказывается лишь в том, что вместо вознаграждения натурой они получают ὄψωνιον. Очевидно, в этих условиях работали нередко крестьяне целых деревень во главе с их πρῶτοςτοι (Rostovtzeff, LE, стр. 74).

Нечто иное представляют собою индивидуальные договоры о найме. Один из них дошел до нас на демотическом берлинском ostrake № 6528⁹. Это — частный договор, заключенный Семпамонтес, дочерью Паниска(?), с Хестотом, сыном Эризя, и людьми Паэриса (возможно, его μέτοχοι). Договор дошел в испорченном состоянии, но суть его в том, что Семпамонтес отдает своего сына Памонтес в качестве сельскохозяйственного рабочего от девятого Паофи сроком на 8 месяцев. Ежемесячная оплата его труда — 25 артаб пшеницы, которые должны быть контрагентами отмерены, доставлены и вручены Семпамонтес в ее доме в Фивах (всего за 8 месяцев — 200 артаб). Кроме того, наемник получает 1/2 меры (hin?) масла клещевины. Все это уплачивается в два срока: зимою и летом. В случае перерыва в своей работе Памонтес должен поставить вместо себя заместителя, в противном случае он уплачивает за каждый пропущенный месяц свою двойную плату, то есть 50 артаб. Мы видим, что в этом договоре плата сельского наемного рабочего гораздо выше, чем оплата труда крестьян, пригнанных для работы по распоряжению администрации. Едва ли можно из этого документа (как и из других) сделать вывод, что в рабовладельческий период рабочая сила мало ценилась. Работодатели суровой клаузулой относительно двойного взноса хотели застраховать себя от возможного перерыва в работе.

Кое-какие, хотя и очень скудные, данные о наемных рабочих есть и в греческих документах II века до н. э.

В обширном счете (Тев., 121—94 или 61 года до н. э.), наряду с такими отметками, как: Паусирису земледельцу — 2000 драхм, золотых дел мастеру — 800 драхм за хлеб, на дорогу 80 драхм, на вино воину (μᾶχι(μῶ)), пришедшему в Гермайон и Сухизйон, — 800 драхм и т. п., — мы находим и такую запись: дорожные расходы (αὐλοῦ «фракт») в кому Тали двум работникам (ἐργατῶν β) — 300 драхм. Платежи эргатам упоминаются в папирусах №№ 145, 175, 224, 252 (Descriptions). В других папирусах есть указания на μισθῶται. В Тев., 86 храмовый сад и огород около Арсиноитополиса обрабатывает μισθῶτης Петесух, сын Маррэя, другой участок — наемник Διοδ [Πά [σι]τος и οἱ μέτοχοι (ср. также Тев., 94, 24).

Все эти разрозненные и в общем мало вразумительные данные не дают представления о значении батраков в сельском хозяйстве Египта этого времени. Однако наряду с ними дошла и общая формула, на основании которой можно, казалось бы, сделать более широкие выводы. Это — известное место из папируса Pаg., 63 (переизданного Магаффи в Petrie, III, стр. 18 сл. и У. Вилькеном в UPZ, 110). Pаg., 63 (164 г.) — обширный документ, в котором очень яркими чертами рисуется положение египетской хоры в связи с распоряжением правительства об обязательном привлечении к обработке царской земли всех δουλοῦντες и раз-

⁹ W., Spiegelberg, Demotica, II, SBAW, 1928, Phil.-hist. Kl., 2 Abt., № 31.

яснении местным чересчур усердным администраторам нелепости привлечения к этой повинности *ἀδυνατούντες*. В папирусе достаточно отчетливо перечисляются группы населения, входящие в эту категорию. Поводом к этому разяснению послужило заявление (*ἔντευξις*), сделанное в Александрии войнами следующих разрядов: *τῶν τ' ἐπιλέκτων καὶ τῶν (ἐπταροῦρων) καὶ (πενταροῦρων) μαχίμων καὶ τῶν ἐπὶ τῶν φυλακίδων [τ]εταγμένων ναυκληρομαχίμων* (стк. 20—23).

Очевидно, к ним относятся слова строк 86 сл. Было бы ребяческим, как полагает Герод, понимание указа в том смысле, что следует принуждать к обработке земли и тех, кто в Александрии и ночью и днем трудится, выполняя литургии, и прочих *ἀδυνατούντες* (то есть немощных в материальном отношении), и привлекать семьи тех, кто (так трудится) в городе, к этой работе. Из следующих строк выясняется, что в состав тех, кого нелепо было бы привлекать к *γεωργία*, входят 1) *ὑποτελεῖς τῆς τε ἰχθυοτηρᾶς καὶ ζυττηρᾶς καὶ ταῖς ἄλλαῖς ὄναις*, 2) большая часть обитающих в комах лаой, которые, вследствие недостатка в необходимом, поденным трудом (*διὰ τὴν τῶν δεόντων σπάνιν ἐργατεύοντες*) доставляют себе средства к жизни (стк. 97 сл.), 3) многочисленные люди, числящиеся в списках воинов и с трудом добывающие себе необходимую пищу на выдачи из царской казны, 4) некоторые из *μάχιμοι* (или, скорее, большая их часть), не могущие сами обрабатывать свои клеры, но делающие займы зимой за большие проценты из расчета на доход от аренды. Еще раз эти группы населения упоминаются далее в стк. 131 сл: *ταλαπύρων λαῶν καὶ τῶν μαχίμων καὶ τῶν ἄλλων τῶν ἀδυνατούντων*, и в стк. 196 сл. по случаю *ἔντευξις*, снова поданной теми же *ἐπιλέκτοι* и *μάχιμοι* в Александрии. Таким образом, *ὑποτελεῖς*, *λαοί* и беднейшие войны составляют тот слой населения, который именуется *ἀδυνατούντες*. Можно ли отсюда заключить, что основное население деревни превратилось чуть не сплошь в батраков, лишенных земли и других средств существования, кроме своих рук? Думается, что едва ли так. Всему циркуляру 164 года свойственны риторичность стиля и сгущение красок. Поэтому нельзя принимать высказываемые автором этого письма положения за точное отражение объективной действительности. Конечно, египетская деревня была разорена, а бедные разряды воинов (*μάχιμοι* и другие) по своему положению мало отличались от лаой. В этом отношении письмо содержит драгоценные данные, подтверждаемые и другими документами. Но даже и в тексте этого письма можно усмотреть, что *ἐργασία* являлась средством подработать, что, по-видимому, эти *ἐργατεύοντες* все же сидели и работали на земле. Они становятся *ἐργατεύοντες διὰ τὴν τῶν δεόντων σπάνιν*, то есть из-за недостатка в необходимом, из-за того, что, очевидно, им не хватает их заработка. Этот заработок мог поступить лишь от земли, так как, если бы его не было вовсе, то пришлось бы говорить не о скудости *τῶν δεόντων*, но о полном отсутствии средств к существованию. Конечно, население египетской деревни было неоднородно по своему составу и имущественному положению¹⁰. Среди этого населения было, очевидно, много элементов, для которых необходимо было искать работу в качестве *ἐργάται*. Тем не менее едва ли можно противопоставлять им как классово отличную прослойку, как имущее население деревни *γεωργοὶ βασιλικοὶ* (в их массе). Мы видим, что очень часто крестьяне окрестных деревень в III в. до н. э. выступают в качестве таких *ἐργάται* или *γεωργοὶ* в документах, относящихся к крупным имениям *ἐνδωρεᾶ*. При этом таковыми (т. е. наемными рабочими) они делаются часто в принудительном порядке. Этих данных недостаточно, чтобы говорить о

¹⁰ См. рецензию К. К. З е л ь и н а на книгу А. Б. Р а н о в и ч, Эллинизм и его историческая роль, ВДИ, 1951, № 2, стр. 147.

превращении основной массы деревенского населения в батраков или поденщиков. Конечно, во II в. процесс дальнейшего обеднения крестьян мог пойти дальше. Едва ли возможно было бы появление такого документа, как Pap., 63, с его рассуждениями относительно ἀδουατοῦντες в III в. Внешние войны и внутренняя борьба II века не могли не сказаться на неустойчивом положении египетского крестьянина. Но все же и во II в. правительство в своей земельной политике, в своих фискальных запросах ориентировалось на труд основной части деревенского населения — на массу γεωργοὶ βασιλικοί, а не на μισθωταί или ἐργάται. Влияние фискальной политики Птолемеев, политические осложнения и дальнейшее проникновение товарного производства в сельское хозяйство ухудшали положение крестьян, побуждали их к анахоресису, вызывали социальные движения, но не меняли коренным образом отношений в деревне.

Мы пытались проследить в своем изложении некоторые явления, связанные с развитием товарного производства. Эти явления в тех или иных масштабах и формах всегда имеют место, если существует товарное производство. Общественное разделение труда, рост значения обмена, развитие внешнего и внутреннего рынка, распространение денежного обращения, возрастающая власть денег, проникновение элементов денежного хозяйства в область земельных отношений, борьба за землю в ее различных формах, применение наемного труда, — все это можно наблюдать и во II—I вв. до н. э. Однако основу всего развития продолжали составлять отношения непосредственного господства и подчинения, рабство и другие формы зависимости, а не свободный наемный труд. Таким образом, и в рассматриваемый период, как и вообще в древности, отсутствовали условия, при которых только и возможно вполне развитое товарное производство и денежное хозяйство.

